

Николай Погребняк

Смерть Иерусалима

ПОВЕСТЬ

2014

ПОГРЕБНЯК НИКОЛАЙ

СМЕРТЬ
ИЕРУСАЛИМА

ПОВЕСТЬ

2014

© 2014 – **Погребняк Николай**

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Об авторе.

Родился в 1961 г. в Кокчетавской области. После окончания Омского политехнического института работал инженером-конструктором. В 1995 г. по вере принял водное крещение в РПЦ. Работал в Центре реабилитации, исполнял диаконское служение и читал лекции. Автор произведений, посвященных популяризации Христианских ценностей и Христианского учения, в том числе монографий: «Семь дней творения – семь тысячелетий истории человечества», «Дева Мария: правда и вымысел о Её жизни», цикла: «Если Господь вывел Вас из церкви...» и других книг, статей и рассказов.

О книге.

Повесть о трех удивительных женщинах, живших в Иерусалиме, осажденном вавилонской армией царя Навуходоносора.

ISBN 978-131-228-7891

ОГЛАВЛЕНИЕ

Смерть, смерть...	7
Год тому назад.....	12
Праздник кущей	20
Геула	25
Могущество Вавилонское.....	33
Да будет по воле господина моего!	37
Никакой надежды	44
Олдама	48
Город умер.....	55
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	65
БИБЛИОГРАФИЯ	66

*Мирным жителям, погибшим
на войне, посвящается.*

СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМА

Смерть, смерть...

Пятые сутки, как она, истощенная от болезни и многомесячного недоедания, которое в последние два месяца уже переступило ту условную черту, что разделяет недоедание и голодание, не могла даже глотать: не было сил на такое, вроде, совсем естественное, рефлекторное сокращение мышц. Тело ее исхудало так, что, казалось, почти не осталось уже ни одной мышцы, не то что жиринки. Кожа умирающей была хотя и сухой, но нежно-светлой, лишь лицо и кисти рук были воспалены, обожжены злым для голодного человека солнцем.

Ее родные, сын Йосеф и его жена Олдама, тоже изможденные от голода и лишь великим усилием воли заставляющие себя по утрам вставать и спускаться к южным городским стенам, ибо там еще давали горсть, – да, всего лишь горсточку ячменя в день тем, кто ломал близстоящие дома и воздвигал баррикады и завалы у ворот и на внутренних улицах Верхнего города. Так вот, родные её в последние два дня даже не переворачивали её с бока на бок: не было смысла беспокоиться о пролежнях и связанных с ними страданиях почти бесчувственного тела. Они молчаливо ждали, когда умрет их мать, – что они могли для нее сделать? Когда были дома, намочив в воде тряпочку, прикрывали рот умирающей: теперь уже не закрывавшийся рот с тонкими шкурками губ. Они пробовали вливать немножко воды, но это приводило лишь к хрипению захлебывавшегося человека. И язык, – язык почернел, стал страшным, как иссохшаяся пропавшая морковка.

Говорят, что без воды человек живет не более трех-пяти суток; шли уже пятые сутки: пожилая женщина умирала и никак не могла умереть. Она уже не приходила в себя; лишь изредка приподнимала веки затуманенных, ничего не видящих больших глаз. Эти глаза с впавшими глазницами, кажущимися полупрозрачными из-за своей голубизны на фоне почерневшего лба и щек – их никогда не забудешь.

«Скорее бы!» – такая мысль поселилась, нет, даже не в умах, а в сердцах ее родных, – «Господи! Доколе мучиться нашей матери? Яви Свою милость и сострадание!».

Под утро она умерла. Умерла тихо, не издав ни звука, ни даже тяжелого вздоха: просто перестала дышать, и остановилось сердце. Сердце... в последние дни оно очень явно чувствовалось под рукой через каркас из ребер и кожи, – и вот оно остановилось. Умерла, и никто не читал над ней «Живущий под покровом Всевышнего...», никто не зажигал свеч, никто не рвал на себе одежд, даже плакать никто не плакал. Была не печаль, не давящая сердце скорбь, а лишь тихая грусть по ушедшей. Так бывает, когда, восходя в беззвучную темноту смерти, человек уносит с собой бесплотный эфир прощения и любви, а не жажду отмщения, не ненависть к врагам своим. Лишь прощение и любовь, и... мир. Воистину, умерщвляемые мечом счастливее умерщвляемых голодом, потому что последние истаивают от недостатка пищи.

Йосеф и Олдама обмотали тело покойной куском холста из грубоотканого хлопка и обвязали веревкой.

Пока обессиленные, они час за часом по очереди долбят крепкую почву с пластинами песчаника, роя небольшую могилу в глубине двора своего дома, я немного расскажу вам о героях повествования. Йосеф был плотником, поэтому и жили они на улице строителей у Ворот Долины, на окраине, далеко от источника питьевой воды – пруда Силоам. Йосеф

был среднего роста, худощавый, суетный в движениях и сумбурный в речи. Привлекли же мое внимание к нему и выделили среди многих страдальцев Святого города его глаза. Помните, как был описан Псалмопевец Давид: «Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом». Хотя Йосеф был совсем не белокур, а, наоборот, черноволос и даже с пролысиной на макушке, но мудрые глаза его с добрым прищуром сразу же вызвали уважение и доверие.

Жена его, Олдама, была среднего роста, стройна и рыжеволоса. Типично еврейские черты совсем не искажали красоты лица, а наоборот, подчеркивали её самобытность. При кажущейся хрупкости она была довольно сильной и выносливой женщиной: раньше, в мирное время, она легко приносила тяжелый кувшин с водой от Гихона.

Война и голод наложили глубокий след не только на манеры поведения, но и на их внешность. Йосеф исхудал, даже стал казаться меньше ростом, весь ссутулился, сгорбился. Обтянутый загоревшей дочерна кожей череп с сильно поредевшими волосенками. Взгляд его болезненно помутнел, и только когда заговоришь с ним, когда вступишься, то у самых кончиков глаз увидишь знакомые морщинки, и в глубине проступает прежняя теплота взгляда. Олдама от голода и испытаний внешне кажется меньше пострадавшей, только сильно похудела, обгорели лицо и руки, да кожа стала сухой, в трещинках и коросточках. Движения её стали медленными, экономными, но, несмотря на это, каким-то чудом сохранилась в ней прежняя стройность.

К полудню выдолбили могилу и похоронили мать, обложив камнями и присыпав землей. А вечером, собравшись с силами, втащили на могилу небольшой камень и побелили его известью, и растопленным асфальтом написали имя: «Ханна».

Не имея возможности похоронить мать в семейном склепе по иудейским обычаям, они сделали максимально возможное для нее в той обстановке, что царила в осажденном городе Иерусалиме. В Великом Городе Иерусалиме, который некогда был князем над областями, а сейчас источал к небесам неимоверный смрад от трупов, стремительно разлагавшихся в летнюю жару под руинами разрушенных и сгоревших домов. Смрад от трупов, валявшихся на улицах, пока не наступит ночь, когда можно будет подтащить их и выбросить за крепостные стены, не боясь самому быть убитым стрелой. Такая очистка улиц производилась иудеями ежедневно, кроме суббот.

Хочу отметить не только беспримерную, воистину фанатичную стойкость защитников Иерусалима, но и их скрупулезность в соблюдении суббот, жертвоприношений и ритуальных омовений, даже когда испытывали жестокую нехватку продовольствия и воды. Откуда это в них? Почему город, превращающийся в груды горящих развалин под непрерывной бомбежкой из десятков катапульти, мечущих камни до ста килограмм весом и сосуда с горящей смесью, несмотря на это, жил своей обычной религиозной жизнью?

Если я скажу, что во время сверхиспытаний в нас, людях, пробуждается, нет, не духовность, а религиозность – упрямая, даже агрессивная религиозность, то этим я ничего не скажу о мировосприятии древних Иудеев (как и древних Вавилонян).

Страх? – Нет, со временем он наоборот притупляется.

Чувство близкой смерти? – Тоже нет, ибо через несколько месяцев уже настолько привыкаешь к виду мертвых на улицах, что без всякого сожаления, вообще без каких-либо эмоций проходишь мимо них, просто стараясь не наступить.

Может, религиозность была лишь лицемерной маской сверхзлости, порожденной вседозволенностью войны и

непомерной алчности от легкодоступности мародерства? Может, в грехах и похотях человеческих сокрыта причина религиозности людей, переутомленных осадой и голодом, особенно голодом? А может, через религиозность реализовывалась последняя возможность погибающих людей сохранить свою самоидентичность в этом мире? Ведь, по сути, кто мы без своей религии, без своих традиций? – Прах, который будет развеян и исчезнет в никуда, а так – часть своего народа, часть его истории, часть его гордости, которая останется в веках.

Во всех вышеперечисленных предположениях есть доля истины, и даже скажу, большая доля истины, но все мои рассуждения – это рассуждения современного человека с его мироощущением. В наше время некоторые люди не признают никакой религии, другие исповедуют религию, но все равно подавляющее большинство из нас живет по принципу: жизнь сама по себе, а религия сама по себе. В древнем же мире невозможно было представить жизнь людей вне их религии. Религия была не просто обязательным дополнением к жизни, а одной из составляющих самой жизни.

Хотя нет! Даже и в нашем современном мире довольно сложно, почти невозможно выдержать грань между непосредственно жизнью и различными суевериями, прогнозами гороскопов, исполнениями неких религиозных предписаний или религиозными праздниками. Сложно прожить, не идентифицируя свой народ, а значит, и себя с некой традиционной религией. Сложно. А в древнем мире это было вообще невозможно. Религиозная жизнь, по сути, была и этикой, и законом, и даже государственным устройством в те времена. Предписания религиозных законов, гадания жрецов или пророчества Божьих пророков направляли пути всех людей, даже царей: предопределяли, когда и что им делать.

Чтобы вы могли наиболее наглядно представить себе, как это могло быть, вспомните о мусульманских странах, например, Саудовской Аравии, в которой и сегодня жизнь идет по Шариату: живут же там люди, и, кстати, неплохо живут.

Поэтому в древнем Иерусалиме раз люди жили, то жили в первую очередь своей привычной религиозной жизнью. Жили, несмотря ни на какие бомбежки, несмотря на тараны, подведенные к высокой северной стене города и своими однообразно-периодичными, не прекращающимися ни днем, ни ночью ударами предвещавшие неизбежную гибель, причем, уже скорую гибель Великого Города Иерусалима и всех их.

—

Ни в день похорон своей матери, ни на следующий день Йосеф и Олдама не пошли на строительство баррикад: не было ни сил, ни желания, ни смысла. Утратила всякий смысл работа, когда пришло осознание, что через неделю-другую будет уже некому защищать те баррикады.

На другой день Йосеф узнал у одного из соседей, что на работе им уже не дают даже прежней скудной горсти ячменя – ничего не дают. В городе осталось только немного овса для боевых коней.

– Значит, пришел и нам конец. Голодомор!

Собственно, острый недостаток продуктов ощущался в городе уже с год, почти сразу же после того, как войска Навуходносора вновь осадили город.

Год тому назад

В прошлом году весной Вавилонская армия сняла осаду с Иерусалима и стремительным маршем выступила навстречу Египетским войскам, собравшимся было на помощь Иудеям.

Но, увидев мощь Вавилона, египтяне трусливо ретировались. И вот, когда в Иерусалим к храму стеклось множество паломников на праздник Жатвы (позднее он будет называться: праздник Пятидесятницы), город был снова «захлопнут». За неделю-другую жители и гости Столицы съели весь хлеб с улицы хлебопек, и пришлось открывать царские и храмовые закрома.

В то еще относительно сытое время Йосеф вместе с другими плотниками трудился на территории царского дворца. Они восстанавливали казармы царской стражи, разрушенные камнями из катапульт. Во дворе стражи он увидел старца, сидевшего в темнице. Изможденный физически старец являл духом своим свет надежды и истины для многих приходивших, в том числе и для сильных мира сего.

В час еды работникам раздали по лепешке на двоих, но Йосефу не хватило, и стражник, приставленный смотреть за работой, подозвал его и отсыпал обжаренных зерен. Они сели рядом.

– Не скажет ли господин мой, что это за старец, к которому подходил сегодня с таким почтением господин мой, а он сидит под стражей?

– Это великий пророк Божий, – так, чтобы другие не слышали, ответил стражник.

Йосеф удивился: если он пророк Божий, то почему его держат в темнице и почему за советом приходят со страхом, украдкой?

– Еще много лет назад он предвозвестил, что за грехи наши придут Халдеи и окружают, и возьмут Иерусалим, и сожгут огнем город и храм. И пророчества его не понравились ни царю, ни князьям, ни первосвященникам. Зовут же этого пророка Иеремию. За то, что он говорил слова обличения от Всевышнего, князья сначала били Иеремию и заключили в темницу в доме Ионафана писца, где морили

голодом, потом вообще бросили в яму с помоями, где он стоял по плечи в вонючей жиже. И если бы не Божий промысел, которым было воспалено сердце царя нашего, пророк сей был бы уже мертв.

– А господин мой не боится рассказывать: вот мы сидим и едим хлеб, а вдруг раб его донесет князю или священнику?

– Мир тебе, я вижу, что всё, что предвозвестил нам пророк тот, уже сбылось или сбывается. Да и не похож ты на злого человека. Ну а ежели и ты, плотник, окажешься жестокосердым, то воистину достойны мы самого строгого суда Божьего, о каком возвестил нам пророк. Тогда не достойны мы жить на земле сей – Богом обетованной земле.

– Необычно вы говорите! Я никогда не слышал, чтобы человек исповедовал уместным и справедливым наказание Божие на душу свою. Люди просят Всевышнего о здоровье, богатстве, о детях, но чтобы соглашаться с судом?..

– Чудными мои слова кажутся тебе потому, что доселе не думал ты об истинном покаянии перед Господом Богом своим... Но вот и обед закончился, пора за работу приниматься.

– Если угодно господину моему, то имя раба его Йосеф, я с улицы строителей у Ворот Долины.

– А я Эвэд-Мэлэх, Ефиоплянин.

И разошлись случайные собеседники по своим жизненным путям-дорожкам, – разошлись с надеждой, что еще увидятся. Но одному Богу было ведомо, что ожидало их впереди.

И было от Бога слово Эвэд-Мэлэху: «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот, Я исполню слова Мои о городе этом во зло, а не к добру; и исполнятся они в тот день пред тобою, но тебя спасу Я в тот день, – сказал Господь, – и не будешь ты предан в руки тех людей, которых ты боишься, ибо дам Я тебе спастись, и ты не падешь от меча, и добычей тебе будет душа твоя, потому что ты уповал на Меня.»

Больше Йосеф не видел ни святого старца, ни Эвэд-Мэлэха, потому что после того дня плотники уже ничего не восстанавливали, а наоборот, разрушали дома близ крепостных ворот и создавали баррикады и завалы. Город, Великий Город Иерусалим, перестал жить, а крепкие стены его лишь продлевали агонию умирания. Но люди еще жили, даже на базарах шла торговля. Правда, легко можно было заметить, что суэта и многолюдность восточных базаров буквально день ото дня испарялась: настоящих покупателей и продавцов было мало, зато возросло количество праздно шатающихся зевак и мелких воришек.

Пройдемся и мы по городу, тем более что и попутчица есть: Олдама собралась идти за водой. Слева по ходу на холме сияют золотом и полированным мрамором Божий храм и царский дворец, правее их возвышается древняя башня, воздвигнутая еще царем Давидом. То тут, то там видны двух и трехэтажные богатые дома из камня, тоже отделанные кедром и даже кое-где покрытые золотой и серебряной фольгой. Хотя город все более и более разрушается под градом камней и «зажигалок», но в первое полугодие после начала осады его горделивый вид еще не померк, не покрылся копотью и пылью.

Чтобы не погибли от случайного камня, выпущенного из катапульты, Олдама ведет нас по узкой извилистой улочке, состоящей из глинобитных стен два-три метра высотой. Для нас, европейцев, улицы Восточного города кажутся дикими и пустынными: ни одного окна, лишь изредка лепятся сбоку ступеньки, ведущие к небольшой двери.

Мы стараемся держаться южной стены, так как с юга наибольший обстрел. С северо-востока же Верхний город защищен постройками храма, царского двора и длинными помещениями конюшен.

Вскоре подошли к Царскому саду и в тени деревьев, мимо Ворот Источника вышли к колодцу, ступеньки которого ведут к темной прохладе водного резервуара, пробитого в горе – это пруд Силоам – единственный не иссякающий в летнюю жару источник пресной воды. Набрав кувшины, возвращаемся в дом Йосефа, где нас уже ждет его мать (напоминаю: осада еще только началась, все еще живы...).

Зерна ячменя уже перетерты в муку на домашней мельничке. Смешав муку с водой и старой закваской, старуха-мать оставила тесто в тенишке, чтобы оно немного поднялось, потом испекла четыре плоские лепешки. Сегодня у них шикарный стол: ночью удалось «выторговать» немного чечевицы, чеснока и даже горсточку изюма. Поэтому на обед будет лепешка с чесночным уксусом.

Сидим на циновках вокруг низенького столика, и я, взяв кусочек лепешки и обмакнув его в чашку с чесночным уксусом, спрашиваю старшую женщину в доме: «Не скажет ли матушка Ханна, откуда у них овощи-фрукты в осажденном городе? Неужели Халдеи настолько великодушны, что позволяют мирным жителям выходить из города к своим огородам?».

– Нет, конечно, нет! Никого они не выпускают и никого не жалеют. Их сребролюбие – вот причина сегодняшнего изобилия.

В разговор вступила Олдама, сноха ее: «Я так скажу. Да позволено будет объяснить рабе вашей: город обстреливают только днем, ночью не видно куда стрелять, и некоторые жители поднимаются на городскую стену в укромных местах, где она не сильно высокая. Так как Иерусалим издревле торговал с окрестными народами, то многие из жителей могут общаться и с Вавилонянами, и с Аморреями, и с народами Ассирии, и сейчас сговариваются обменять драгоценности на продукты. Они спускают на веревке

мешочки с серебряными или золотыми изделиями, а поднимают их уже с зерном или овощами. У нас был браслет, сплетенный из серебряных нитей, вот ночью рабы ваши его и выменяли.»

Рисунок 2. Израильские ювелирные украшения, выполненные в технике пяти нитей, которая существует уже более двух с половиной тысячелетий.

– За браслет дали мешочек чечевицы да пять головок чеснока?!

– Мы не в обиде, ведь и те солдаты рискуют, вдруг командир увидит...

– ...Ничем они не рискуют! Такая «торговля» ничем не отличается от грабежа. У нас (в наше, современное время), помню, тоже было подобное: хулиганы, подкараулив в укромном месте какого-нибудь тихого интеллигента в очках, предлагали купить кирпич за десять рублей (полтора литра водки). И заседали, и вымогали деньги. По закону, тоже не грабеж, а на самом деле самый что ни на есть циничный грабеж.

Тут мать Йосефа тихой фразой мигом сдула мой разошедшийся праведный гнев и вернула к действительности: «У нас вчера камнем из катапульты оторвало соседу голову; остались жена и маленькие дети. Они, как и мы, не богатые, наверно зимой умрут от голода и болезней».

Недолго продолжалась та ночная торговля. Узнав о нарушении дисциплины, военный начальник и зять царя, Нергал-шар-уцур, сделал рокировку в своем войске. Отряды рекрутов из городов империи он отвел назад для выполнения инженерных работ и сбора фуража для армии, а вперед к насыпям и в пикеты поставил Алхамеев – арийцев-кочевников из областей Миттани. Они издревле перешли с Дона и степей нынешней Руси и кочевали вдоль южного побережья Черного моря. Иудеи не знали их языка, да и предлагаемые осажденными драгоценности не слишком привлекали новых караульчиков. Алхамеи охотнее брали оружие, рабынь и вино. Так благодаря мудрым действиям, Нергал-шар-уцур добился, что спустя полгода, весной, в Иерусалиме наступил страшный голод.

Но до весны еще далеко, а пока Иудеи совершали отчаянные ночные вылазки против Вавилонян, воздвигавших насыпи для подведения таранов, и своей отчаянной храбростью, несмотря на большие потери, уже дважды преодолевали заслоны осаждавших и сжигали их инженерные сооружения по подведению насыпи, сожгли также башню и несколько катапульт. Но осаждавшие заново устанавливали изгороди и щиты для строителей – щиты, сплетенные из веток и обтянутые воловьей кожей: их поливали водой, чтобы разбухшая кожа не воспламенялась от горшков с горящей смолой, бросаемых со стены, и защищала строителей от стрел. Они упорно делали насыпь

для подведения стенобитных орудий к городской стене. При этом вели интенсивный обстрел по защитникам стены. Кочевники, отличные лучники, стреляли со второй оставшейся деревянной вышки, возвышавшейся над городской стеной. А с холмов верхи стен обстреливали градом камней из двух десятков катапульт.

Обстрел был настолько меткий и плотный, что погибал почти каждый, кто осмеливался подняться на стену. И только издалека, с башни Давида, осажденные могли с отчаянными воплями ко Всевышнему беспомощно взирать, как враги медленно, но неуклонно приближают их погибель.

Праздник кушей

Наступил месяц Тишри (октябрь), приближался праздник Суккóт – Праздник кушей. Один из трех великих праздников Израиля; он назывался также праздником собирания плодов, так как совпадал с окончанием земледельческих работ и знаменовал наступление нового года. «Что будет в следующем году? Каким он будет для нас?» – с тревогой и надеждой каждый из граждан Святого города ожидал ответа на этот вопрос.

На крышах домов и во дворах то тут, то там начали ставить палатки. Жители тратили свои последние средства, но непременно желали купить лимон для праздника и хотя бы половину каба¹ зерна для жертвоприношения в храме.

Для Йосефа предпраздничные дни были наполнены радующими душу трудами (хотя они и не приносили много заработка): он помогал, строил кущи² у жителей Иерусалима. Каждый вечер он приносил заработанную снедь, а накануне праздника, потрудившись два дня, вечером, усталый, но с

¹ Каб – древнееврейская единица меры сыпучих тел (около 1,2 л).

довольным и таинственным видом, по-детски сияя от распиравшей его гордости, вынул из-за пазухи лимон. Это был совсем невзрачный, маленький и кривой лимончик, но это был праздничный лимон. У них не было детей, и он каждый год покупал и приносил для своей жены на праздник лимоны. Уповая, пусть даже бессознательно, но все же уповая на народное поверье, что если подаришь на Суккот жене лимон, то в следующем году она родит.

На следующий день, в первый день недели, он вместе с другими мужчинами с их улицы собрался на праздник. С музыкой и танцами, держа в руках факелы, с разных улочек стекались мужчины к храму. Вокруг радостно суеились ребяташки, обливая всех водой. Некоторые из идущих несли ветку лимонника или финиковой пальмы. По обычаю предписывалось носить в левой руке лимон, а в правой лував – пальмовую ветвь, перевитую миртовыми и ивовыми ветвями, но где взять такое богатство в осажденном городе?

Чтобы священники не подвергались обстрелу из катапульт во время жертвоприношений Богу, напротив жертвенника еще во время первой осады была воздвигнута стена. Семь дней в установленном порядке приносились в храме жертвы. Семь дней приходили многие мужчины в храм. И в эти дни, кажется, даже Халдеи вместе с ними праздновали и славили Бога Авраама, Исаака и Иакова: обстрел города прекратился, только работы по подведению насыпи продолжались и даже усилились.

После полудня, ближе к вечеру, семья собралась для праздничной трапезы. В общепринятом смысле ее нельзя было назвать праздничной: ни мяса, ни оливкового масла, ни салатов не было. Не было и пресной халы,³ но на столике в

² Куши – шалаши, палатки.

³ Хала – еврейский традиционный праздничный хлеб, плетенка с кунжутом.

шалаше лежали лепешки, была соль, стоял кувшин с водой, а украшением стола являлся лимон.

Посоветовавшись, Йосеф пошел и торжественно пригласил на праздник соседку и ее ребят. Все чинно уселись вокруг столика, и глава дома произнес благодарение: «Благословен Ты, Бог, Всесильный наш, Владыка вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам жить в шалаше!».

Глазенки голодных мальчуганов, как замороженные, прилипли к лимончику, от одного вида которого текли слюнки. Мать Йосефа аккуратно нарезала лимон на тонюсенькие дольки и подала каждому вместе с кусочком хлеба. И мирно и тепло было у всех на душе, и вкушали сию простую пищу и благодарили Бога.

Стемнело. Зажгли лучину. Ребятишки, впервые за последние дни действительно насытившиеся, посапывали в шалаше, свернувшись калачиком. Поначалу они с интересом прислушивались к тому, о чем говорили взрослые, потом уже «кляня носами», а с наступлением вечера им постелили у стенки шалаша, и они тут же уснули.

Был Праздник кущей.

Вопреки обычаю, в маленьком шалаше в ту ночь не вспоминали о прошлом, не вспоминали о сорока годах странствия в пустыне, когда Господь вывел Израиль из Египетского рабства. Женщины, было, завели речь, как предписывает традиция праздничного застолья, но вскоре застопорились: вспомнили про виноградную ветвь с одной кистью ягод, которую несли на шесте двое из разведчиков, посланных Моисеем, чтобы они высмотрели землю обетованную...

– Тó сделает Всевышний с домом этим (храмом), что с Ши́ло, а город наш сделает проклятием для всех народов земли – робко, сам отстраняясь от сказанного, передал Йосеф слова пророка, услышанные им от Эвэд-Мэлэха.

Женщины подались вперед, вслушиваясь и как бы повторяя в себе раз и еще, и еще раз слова, сказанные главой дома, взращивали их в сердцах своих. Тогда Йосеф рассказал о том, что видел пророка Иеремию и об Эвэд-Мэлэхе.

Он долго не отваживался даже в семье упомянуть о былом разговоре, и так и эдак обдумывая услышанное. Беспросветно страшными показались пророческие слова о том, что если они не отвратятся от идолов своих и от злых путей своих, то неизбежно, и, главное, скоро ждет их позор и погибель. Он не мог не принять слов пророка, ибо сердце горело в нем от услышанных слов. Но его робкая душа не могла безоглядно согласиться со словом Божиим; ибо много лет слышал он от священников и от князей народа увещания о мире городу, где стоит храм. Глазами своими видел, что нет мира, видел, как бьют камни по городу и храму, но не смел усомниться в сказанном начальниками Иудейскими, так как считал себя благочестивым иудеем. Не могла его гордыня принять, что Всевышний оставил храм, что с ними, с коленом Иудиным, поступит так же, как с коленом Ефремовым – отдаст на поругание врагам и, что было для него, иудея, еще хуже, унизит перед другими коленами Израиля. Ведь царь Седекия – великий царь, помазанник Божий, надежда народа – был с ними. Ведь первосвященник Сарей – защита народа пред Богом – был с ними, и вместе с ним священник Софония и священники, охранявшие святилище, все были с ними в Иерусалиме, – рассуждал в себе Йосеф.

– Что же нам делать? Да научит нас господин мой! – вдруг вспыхнула ожиданием непонятной надежды соседка – Геула ее имя. Отчаяние дало ей смелость и упование на милость Божью, отчаяние и тревога за детей. Да и остальные женщины на удивление сразу приняли и положили на сердце слова пророка. Ах, женщины, женщины! Все-то у вас сходу, слету, все-то у вас по интуиции!

– Храни всех вас Всевышний, но мне не ведомы пути спасения, – продолжая сомневаться о своем, машинально ответил Йосеф.

В продолжение семи дней праздника он старательно ходил в храм, надеясь среди мужчин увидеть пророка Божьего или Эвэд-Мэлэха. Но все поиски были тщетны. Йосеф ждал встречи и боялся ее, ибо осознавал свою неготовность. Нет, не неготовность к разговору или задать вопрос, который так их волновал, а неготовность принять слово пророка Божьего, как слово от Бога. Неготовность довериться Богу.

Закончились дни праздника, и после показавшегося просвета надежды город вновь погрузился во тьму отчаяния. Еще горше было возвращаться сознанию к реальности, к осаде, к разрушениям и пожарам, к смертям. Жители улицы строителей по-прежнему разрушали дома и строили баррикады и восстанавливали верхи стен.

Как-то вечером в дом постучались, и вошел воинский начальник. Йосеф, увидев, узнал Эвэд-Мэлэха и побежал навстречу ему, и поклонился, и сказал: «Господин! Если я обрел милость пред очами твоими, то войди в дом раба твоего. И принесут немного воды, и омоют ноги твои, и отдохнешь. А я принесу жареных зерен, подкрепишь сердце свое».

И сказал воинский начальник: «Мир вам! Мы охраняем городские ворота, и я не могу остаться в доме твоём. Я пришел, чтобы передать тебе слова пророка Иеремии: "Так сказал Господь: "Вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: тот, кто останется в этом городе, умрет от меча, от голода или от мора, а кто выйдет и сдастся Халдеям, осаждающим вас, тот останется в живых, и добычей будет ему душа его".". Это путь спасения для ищущих спасения из города погибели.».

Сказав, Эвэд-Мэлэх поклонился, повернулся и вышел к поджидавшим его воинам. А жильцы дома так и остались стоять на месте, словно только что увидели Ангела небесного.

Утром, чуть свет, Олдама побежала к соседке и рассказала ей о вечернем визите и словах Господа, переданных им. Геула благодарила за свидетельство о милости Божьей и слагала в сердце услышанные слова. С этого дня она стала готовиться к бегству и обдумывала, как покинуть город.

Геула

Пришел сезон дождей, а там и зима подросла со своими холодами и сыростью,... шел одиннадцатый год царя Седекии.

Если кто не знает, то расскажу: климат в Иерусалиме сильно отличается от окрестных областей. Зачастую бывает, когда в Иерусалиме идет дождь или даже снег, а ночью и заморозки упадут, всего в семидесяти километрах, в Иерихоне, людей ласкает солнце и стоит жара.

Зимой в городе начались эпидемии. Истощенные, израненные люди начали умирать. Это были первые предвестники грядущего повального мора, когда среди многих умерла и Ханна. Но горе было еще впереди, а сейчас, – сейчас Геула действовала.

Днем она собирала на развалинах камни и поднимала их наверх, на стену, туда, где каменщики восстанавливали кладку. Это были самые опасные участки работ, так как строители нередко подвергались обстрелу кочевников. Но здесь, на стене можно было заработать до четверти гóмора⁴ ячменя, чтобы накормить детей и самой не умереть с голода.

⁴ Гомор – древнееврейская мера сыпучих тел (ок. 2,2 литра).

Хотя бы малое время продержаться, ибо молодая женщина чувствовала, как день ото дня силы покидают её. Но, главное, только здесь, на стенах можно было высмотреть путь к бегству из города.

Рисунок 3. Еврейские женщины за выпечкой хлеба (так хлеб пекли два с половиной тысячелетия назад, так пекли сто лет назад, так пекут в Палестинских деревнях и сегодня).

Поработав на северо-западной стене Верхнего города, она пошла в Терапеонскую долину, в Нижний город. Но здесь, хотя стены были ниже, шли наиболее интенсивные сражения, по ночам Иудеи часто совершали вылазки, и поэтому выбраться, и не быть сразу же убитой, шансов было мало.

Наконец был найден участок, где ночью можно было незаметно пробраться на стену и спуститься наружу.

После работы Геула захватила с собой плетеную корзину, в какой таскают кирпичи и камни, и по вечерам стала играть с детьми «в грузики». Постепенно мама приучила детей не бояться, когда их по одному спускают с крыши дома. Спустившись, старший торопился вылезть и ждал, когда мама спустит в этой же корзине младшего, чтобы и ему помочь выбраться наружу.

За поисками места побега на городской стене, заботой о хлебе насущном и подготовкой детей к предстоящему путешествию не успевала оглянуться, как день пролетал за днем, и только по субботам время текло мучительно долго. Никто не работал, и, соответственно, не выдавали пайки зерна, а накопить достаточный запас за неделю уже не получалось. Схрумав кусочек маленькой лепешки, дети просили добавки, но где ее взять, когда всё хоть мало-мальски ценное давно уже было продано.

Дети спрашивали маму, почему Всевышний не пошлет и им с неба манны, как Он посылал народу, когда они жили в кущах. Что на это сказать бедным малышам?

И мама рассказала им сказку: «Случилась эта история много лет назад. Жил тогда в земле Израильской один пожилой человек, был тот человек праведник, и звали его Ханина. Но он был бедняк и жил в маленьком покосившемся домике, а в домике этом ничего не было: ни мебели никакой, ни посуды хорошей, ни постелей на полу. И даже еды досыта не было у них в доме: немного хлеба ели в доме Ханины всю неделю и запивали водой, и в субботу трапеза состояла из хлеба и воды. Жена Ханины была очень грустна от того, что даже в субботу у них не бывает хорошей трапезы.

– Муж мой, – сказала она супругу со слезами на глазах, – что с нами будет? До каких пор мы будем так голодать, что даже в субботу у нас нечего поесть и попить, нечем поддержать душу?

Ответил ей Ханина: "Что же делать? Нет у меня денег, чтобы купить на субботу еды и немного вина."

Выслушала его жена и сказала: "Мне рассказывали, муж мой, что на небе праведники сидят в раю вокруг стола из чистого золота. А на столе серебряные блюда с манной небесной и нефритовые чаши,⁵ а в чашах красное вино. Это правда?"

– Да, так говорят, – сказал Ханина.

– Может быть, ты помолишься, – предложила жена, – и попросишь, чтобы нам дали что-нибудь от стола праведников? У них всего много, а у нас нет ничего. Наверное, чего-нибудь из того, что у них остается, хватило бы нам, чтобы наестся досыта, – так просила жена мужа своего, и слезы текли у неё из глаз.

Не мог Ханина смотреть спокойно на слезы своей жены. Что же он сделал? Вышел из дому, стал во дворе под зеленое дерево и стал молиться, прося хоть что-нибудь от стола праведников. И вдруг с небес протянулась белая рука, и раздался голос: "Вы просили чего-нибудь от стола праведников, вот вам! Держи, Ханина!"

Ханина увидел, что получил в подарок с неба ножку от стола праведников, что на небесах. Очень красивую ножку, украшенную цветами и стеблями из чистого золота, сверкающую чудесным сиянием.

Удивилась жена и сказала: "Ножка от стола! Что мы с ней будем делать? Мы ведь просили еды и немного вина на субботу!"

– Может быть, можно отрезать кусочек от золотой ножки и купить чего-нибудь на субботу? – предположил Ханина. Но тут же отказался: отрезать от подарка с неба – это великое кощунство. Он взял подарок и занес в свой

⁵ Из-за своей красоты, прочности и способности долго сохранять тепло, в древнем Египте и Сирии нефрит считался священным камнем, символом победы и вечной жизни.

маленький покосившийся домик. Не успел он переступить порог, как дом вдруг наполнился светом и превратился в дворец с красивой мебелью, на полу много ковров, а посреди комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью, а на нем – субботняя трапеза в золотых и серебряных сосудах. И новые одежды оказались вдруг на Ханине и его жене. И все это благодаря золотой ножке от стола праведников, что дали им в подарок с небес.

Счастливыми, веселыми и сытыми были Ханина и его жена всю ту субботу. И вот суббота кончилась, и Ханина взошел на ложе свое и уснул, и приснился ему странный сон. Приснилось ему, будто все праведники сидят в раю за золотым столом. На каждом из них надето по восемь разных одежд из белоснежных облаков, на голове золотые венцы. Около каждого праведника стоит ангел и подает ему кушанья и напитки. Но только наполнит ангел изумрудно-зеленую нефритовую чашу, и ах! – она скользит и падает наземь. Вино выплескивается и попадает на белые одежды праведников, потому что стоит стол праведников всего на трех ногах. Одной ноги нет, и праведники не могут ни есть, ни пить.

Проснулся Ханина и весь трясется. Рассказал он жене свой сон и говорит: "Праведники услышали мои мольбы и отдали мне часть от своего золотого стола – одну из его ножек, но теперь стол у них перекосился, и они не могут насытить свои сердца."

– Ой-ой-ой! – возопила жена, – надо, чтобы праведники сидели за хорошим столом, как этот.

– Я буду молиться Господу и просить из всех сил, чтобы Он забрал обратно ножку от золотого стола. Как ни тяжело получить подарок с неба, но отдавать его обратно в семь раз труднее, – вздохнул Ханина.

Просил Ханина и просил, пока молитва его не была услышана. С небес протянулась белая рука. Он вложил в нее

золотую ножку от стола праведников, и рука вмиг исчезла. Из дома Ханины тоже исчезли еда и мебель, посуда и красивые одежды. И опять они ели скудную пищу всю неделю, и даже для субботней трапезы не было еды и вина. Но Ханина и его жена не грустили и не печалились. Они радовались, что там, высоко в небесах, сидят праведники вокруг золотого стола, и все четыре ножки у этого стола на месте,» – добрым тихим голосом закончила Геула свою грустную сказку.

«Высоко на небе сидят праведники вокруг золотого стола, и все четыре ножки у него на месте, а вместе с праведниками сидит и наш папа, – ведь правда, мама?» – спросил старший мальчишка, прижавшись посильнее к матери.

– Правда, милые мои, ответила мать, – и слеза медленно поползла у нее по щеке. Солёная-пресолёная слеза.

С этого дня каждый вечер перед сном дети просили, чтобы им рассказали именно эту сказку. «Про папу,» – так называли они ее меж собой.

Собрав по развалинам волокна и тряпки, Геула сплела длинный крепкий канат. И в одну из промозглых дождливых ночей, укутав ребятишек, она повела их к Воротам Источника. Но, не доходя, взяла вправо и, скрываясь за развалинами дома, вошла в аллею пирамидальных тополей, а оттуда было уже рукой подать до кустарников Царского сада. Сад, некогда бывший гордостью Иерусалима и местом отдохновения от летнего зноя для знатных горожан, изломали и разорили (как почти всё в городе, куда можно было беспрепятственно добраться). Но для наших беглецов, чем разрушеннее и пустынное, тем было лучше. К счастью, на ночь проход на стену не был закрыт. Наверху из-за ветра всё было в дождевой пыли и тумане. Завернув за колено стены, чтобы случайно их не увидели с ближней башни, женщина достала из корзины канат...

И тут перед глазами, как молния, промелькнуло видение: как будто её увидели стражи ворот и схватили, и тащат прочь, а дети уже внизу, на площадке между стеной и обрывом горы Сион. «Они погибнут!» – трепещет ее сердце, и руки нерешительно замерли. Но в духе, там, где мы слышим голос совести, нет, не заглушая голос страха, а нежно, еле слышно сквозь бурю в душе прозвучали слова: «Так сказал Господь: вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: тот, кто останется в этом городе, умрет.»

Привязав канат к корзине, мать по очереди спустила детей наружу. Осталось самой спуститься с пятнадцатиметровой высоты. Она не раз видела, как её муж и другие строители спускались на веревке, перемахнув себя по диагонали через плечо и не думала, что это вызовет затруднения. Но тут, – о Боже! Ведь им предстоит еще спуск с узкой площадки у основания стены – спуск по скользкому, почти отвесному склону горы и веревка еще понадобится. Ее аж в жар бросило. Как спуститься вместе с веревкой?

Мозг лихорадочно искал решение новой, непредвиденной задачи. Геула согнула рулоном корзину и, используя ее как перекладину между двух зубцов стены, сложила канат вдвое и, привязав один конец к руке, спустилась со стены во тьму. Сырой канат впился в тело, с непривычки женщину закрутило и ударило о стену. Но она не пискнула, не взвизгнула, а только молча заплакала. Двойной длины каната не хватило и пришлось прыгать. Хорошо, что эта самая «зловредная веревка» задержала падение: перехлестнутая через валик из корзины она разматывалась за своей хозяйкой (та совсем забыла, что один конец был привязан к её руке).

Всё, внизу! Дети, было, радостно заплакали, загалдели, но мать прикрывала своими поцелуями их рты и, прижав к себе, шептала: «Тише, тише!».

Первый шаг в неизвестность сделан, нужно идти дальше. Но корзина осталась на стене. И снова вопрос: как? И снова лихорадка мыслей. Геула сняла с себя шерстяную тунику (единственную свою одежду, несмотря на зимние холода) и, завязав ее канатом, чтобы получилось подобие мешка, посадила в нее старшего сына и спустила вниз, к подножию горы. Потом спустила младшего сына, а следом... – И снова, кажется, неразрешимая задача: как на скользкой голой площадке закрепить конец каната? Пробовала затолкать и камнем зажать узел между блоков городской стены – ничего не вышло: нечем забить, намертво заклинить щель. Стала шарить во тьме рукой, ища хоть какой-нибудь кустик, но попадалась только увядшая прошлогодняя трава.

Найдя плоский камень, Геула лихорадочно скребла и била неподатливую землю с песчаником, чтобы сделать канавку на краю обрыва и затем обвязать своеобразную рукотворную «голову» канатом и спуститься вниз. В двадцати метрах ниже потихоньку хныкали перепуганные и замерзшие малыши, но было уже не страшно, что их услышат: до башен, где прятались от дождя стражники, было далеко. Наконец, через два часа, спустилась в долину и мать. И снова слезы, и снова обнявшись не верилось, что всё еще живы.

Взяв детей; одного на руки, а другой ухватился за полу туники, Геула пошла через долину в сторону Елеонской горы. Она шла и боялась – боялась не врагов, а своих, боялась, что вот удар – и стрела вопьется между лопаток.

Только прошли долину, их окружил кавалерийский патруль. Всадники доставили женщину с детьми к своему командиру. Увидев ее, – в измятой испачканной одежде, грязную, с исцарапанными руками и ногами, – командир отряда, Курди-Ашшур, сначала хотел отправить на сборный пункт, где набирали партию пленников для отправки в Вавилон, но присмотревшись к перемазанной физиономии

Геулы с шишкой над бровью и обиженно надутыми хорошенькими губками, он покатился со смеху. Потом велел отмыть пленников, переодеть в чистое и определить в обоз: пусть женщина стирает, готовит пищу и выполняет другие хозяйственные работы.

А в Иерусалиме всю ту ночь стояла на коленях и простирала руки к храму с мольбами к Всевышнему другая женщина. Чтобы не потревожить сон родных, она плакала и молилась одними только устами, так, что со стороны могло показаться, будто она спяну бубнит непонятное себе под нос. Это была Ханна (только ей доверилась Геула, что сегодня ночью она с малыми детьми попытается уйти из Города Погибели, а там как Бог усмотрит: жить им или умереть). Всю ночь пожилая женщина стояла на коленях и умоляла Спасителя, чтобы Он оградил мать и детей от козней охраны стены, чтобы даровал разум и силы при переходе, чтобы расположил к ним врагов, но, самое главное, чтобы укрепил веру Геулы в милость Свою.

Под утро она встала с колен с миром в сердце и поблагодарила Всевышнего: «Слава Тебе Господь, видящий меня!».

Могущество Вавилонское

Через неделю, увидев Геулу – уже входящую в тело, опрятную, стройную женщину с приятным округлым лицом и внимательным, даже более – с заботливо-материнским взглядом, Курди-Ашшур подозвал ее к себе и через переводчика расспросил о муже и родителях: живы ли? Потом поинтересовался, как она выжила после смерти мужа и как отважилась бежать из осажденного города одна с двумя малыми детьми: случай невиданный. Его, закаленного

воина, поразила смелость и находчивость еврейской женщины. Но больше всего его заинтересовал рассказ о пророке Иеремии и пророчестве, что Вавилон является орудием в руках Божьих для наказания нечестивого народа. За то, что они оставили веру отцов и стали поклоняться чужим богам, Иерусалим и храм будут преданы огню. Господь будет судить народ Свой за идолопоклонство, но не истребит его, а лишь в меру накажет его.

То, что Вавилон избран Богом для наказания нечестивых Иудеев, молодого командира нисколько не удивило: кому, как не им усмирять взбунтовавшийся город. Недоумение вызвала причина наказания Божьего: не за восстание против своего царя, а за то, что поклонялись идолам. Курди-Ашшур хотел подробнее узнать об этом Боге и Его народе, но расспрашивать какую-то пленницу было ниже его достоинства. Он и так, не ожидая сам от себя такого, явил ей милости сверх меры. Подожду более подходящего случая, чтобы узнать всё – решил он и на том успокоился.

Большое видится лишь на расстоянии. Для нас, живущих более чем два с половиной тысячелетия спустя, захват и разрушение Иерусалима и сожжение храма – знаменательное событие в мировой истории. Сейчас мы понимаем, что Вавилонский плен Иудеи стал новым этапом в жизни Израиля, апогеем которого стало первое пришествие Христа Спасителя и возникновение Церкви. Для царя же, Навуходоносора, эта война, по сути, не являлась даже войной в полном смысле слова, так, – один из городов-вассалов взбунтовался, вот и все.

Восстания в бескрайней империи происходили довольно часто, но в большинстве случаев всё обходилось бескровно. Из Вавилона поступал приказ окрестным областям призвать рекрутов. Затем подходил основной костяк Вавилонской армии: не более десяти – двадцати тысяч профессиональных

воинов – телохранителей царя, и все войско окружало восставший город.

Обычно царь или глава окруженного города выходил на поклон и сдавался на милость победителям с просьбой сохранить город от уничтожения. Там меняли правителя, чаще на сына или брата восставшего царя и налагали на город штраф, а дальше все шло, как и прежде.

Подобное бывало и в Иудее. Царь Иехония отложился от Вавилона. Слуги Вавилонские за это окружили Иерусалим, потом пришел царь Навуходоносор со своим войском. Иехония с семьей и князьями, евреями и слугами вышли из города и сдались на милость царя Вавилонского. Тот взял сокровища из храма и золотые сосуды и выселил князей и войско, и кузнецов, художников и плотников в Вавилон, всего десять тысяч. И воцарил Матфанию, дядю Иехонии, вместо него, и переименовал имя его на Седекию.

Как правило, вассальные цари правили самовластно и имели свои воинские гарнизоны. Естественно, они обязаны были платить Вавилону установленную дань и по приказу выступать со своим войском на войну, и выполнять еще ряд требований, предусмотренных договором. В каждом городе-вассале был представитель верховной имперской власти, кипú, без присутствия которого, например, нельзя было вскрывать документы, пришедшие из Вавилона.

В противном же случае, когда бунтовщики упорно сопротивлялись Вавилонской империи, их ждала неизбежная и жестокая, зачастую очень жестокая расправа (дабы другим было неповадно).

Основную массу Вавилонской армии составляли рекруты и ополченцы из разных областей. Каждый отряд был одет и вооружен по обычаям своего народа, поэтому внешне войско представляло собой довольно пестрое зрелище. Чего нельзя было сказать об управлении и дисциплине, так как все

командиры подразделений армии были преданы царю и прошли хорошую школу. Еще юношами они получили образование при царском дворе: они учились искусству писцов, математике, астрономии, механике, закону и другим наукам, а также их усиленно готовили как воинов и будущих командиров. Потом служба в свите царя, в рядах его пешей тяжеловооруженной охраны, и в конце – всадниками придворной кавалерии. Лишь после участия в нескольких военных походах молодого офицера отправляли в отдаленные области (где было неспокойно) помощником командира гарнизона или отряда кавалерии.

Такую же школу в свое время прошел член знатной семьи выходцев из города Ашшура, Курди-Ашшур.

Вавилонская армия включала в себя также и специальные подразделения, которыми руководили инженеры. В их обязанности входила прокладка дорог там, где это было необходимо, наведение временных мостов и переправ, возведение пандусов при ведении осады. Но, главное, они изготавливали, доставляли к месту и монтировали стенобитные орудия (тараны), катапульты и осадные башни.

Я специально уделил так много внимания описанию Вавилонской империи и ее армии, чтобы вы увидели, что не ордам «диких Халдеев» пришлось противостоять защитникам Иерусалима, а величайшей в мире и наиболее организованной «военной машине». К тому же хорошо оснащенной технически.

Да, падение города Иерусалима было лишь делом времени.

К счастью, а может, наоборот, к несчастью для жителей Иерусалима с наступлением зимы большую часть войска царь Вавилонский расквартировал по окрестным городам, а кого и домой отпустил. Инженерные работы прекратились. Лишь продолжался лениво-привычный обстрел города, да

вокруг сновали конные патрули кочевников (им не привыкать жить зимой в походных условиях). Кочевники в основном были заняты тем, что, как охотники дичь, вылавливали беглецов из города и продавали их в рабство заезжим купцам-работорговцам из Едома, Моава и других соседних царств.

Последнее для Иудеев было хуже голода и болезней осады, ибо «братские» народы вели себя с рабами очень жестоко: держа впроголодь, они насмехались и всячески издевались над ними. Кто был покрепче – отправляли в район Петры, на медные рудники, где они через несколько месяцев умирали. Остальных продавали кочевникам Аравийской пустыни или в Египет.

Над Иерусалимом тяжелой беспросветной тучей нависла зима.

Да будет по воле господина моего!

На другой день после побега Геулы из города, Ханна рассказала обо всем сыну и снохе.

Они зашли во двор соседки. В глубине стоял поврежденный домик, в котором было две квадратные комнаты. Используя навыки, приобретенные еще во времена Египетского рабства, евреи чаще всего строили из глиняных кирпичей (самáна) – дом соседки тоже был из них.

Особенное впечатление производят на людей дома, навсегда покинутые хозяевами. Еще вчера в них была жизнь, а сегодня, хотя внешне почти ничего не изменилось, даже вода мирно капает, стекая по водостоку в емкость, вырытую в земле, но жизни уже нет. Нет жизни, осталось только тление и разрушение: как тело умершего человека: он умер, и вроде внешне еще все по-прежнему, но уже вступили во власть другие силы – силы смерти, а не жизни.

Дом был мертв. Йосеф и Олдама в смущении поспешно покинули соседний (уже соседний, а не соседский) дом: и как это Геула отчаялась всё бросить и бежать в неизвестность?

Они пытались жить, как раньше. Молодые с утра уходили на строительство оборонительных сооружений города, но по вечерам,... о чем бы они ни пытались заводить разговор, неизбежно возвращались к словам пророка Иеремии, переданным им через Эвэд-Мэлэха.

Зима набирала силу; одетые в ветхие халаты поверх туник, в сандалиях на босу ногу они брели по утрам в Нижний город, меся грязь и подморозь: там надстраивали стену напротив горы Мориа. Прилагая невероятные усилия, часто падая на скользких от грязи ступенях, они уже не могли делать и половины летней нормы. И так скудные пайки всё урезались день ото дня.

Когда заболела мать, Олдама стала все настойчивее просить мужа бежать из осажденного города.

Бежать! Хотя теперь вы уже это знаете, беглецов из города поджидало рабство на медных рудниках или в пустынях Аравии. Так что и бежать, по сути, было уже поздно: попадешь из огня да во полымя.

Ханна болела все сильнее, страшный кашель разрывал ее, особенно по ночам, щеки покрылись румянцем. Она истаивала на глазах. Знакомые женщины, вздыхая, судачили меж собой и вспоминали, что пожилые всё-таки легче переносят такие болезни, молодые больше терзаются от жара и даже кашляют с кровью. Чтó они, простые жены каменщиков и плотников, могли понимать в болезнях и их лечении? Действуя больше по принципу «хуже не будет», чем осознанно ведя лечение, одна из соседок собрала со смоковницы, растущей тут же во дворе, немного листьев и молодых веток с соцветиями и соплодиями, истолкла в ступке и заварила кипятком. Олдама поила свекровь таким

настояем, и кашель мучил ее меньше, и даже жар спал. Но болезнь не ушла, она пожирала и пожирала жизнь: Ханна исподволь худела и слабела.

Тяжело, тягуче, преисполнившись болезнями и первым «урожаем» массового мора жителей Иерусалима, уходила госпожа-зима. На смену ей вместе с веянием теплого ветра с востока, вместе с ореховым запахом розово-белых цветов миндаля предвещала жизнь матушка-весна. Жизнь пробуждалась везде, даже в осажденном Иерусалиме зазеленели молодой травой крыши домов.

Трава, трава! Окрест города виднелись поля и огороды. Незасеянные, они всходили клочками самосевом, кое-где уже набирали колос околки ячменя и пшеницы. Изголодавшиеся жители с великой тоской взирали на свои незасеянные участки. Но печаль их была не о том, что не смогут вкусить с них урожая, а потому что земля бесхозно пропадает, что сады зарастают и дичают неухоженными. Потому что стосковались руки по мирному труду, потому что уходит время позднего сева проса, гороха, дынь и огурцов.

Приблизилась середина месяца Нисана (апреля). В тот страшный год в Иерусалиме чрезвычайно скромно праздновали великий праздник Пёсах. Ни кошерной, ни некошерной пищи у людей почти не было.

Насколько хватило сил, Олдама и Ханна навели в доме порядок, удалили перед праздником старую закваску (просто съели ее), потом испекли мацу.⁶

В пасхальный вечер, когда стемнело, семья собралась за столом. Йосеф возблагодарил Всевышнего за избавление их из рабства, и, стоя, они ели мацу с кусочком марора –

⁶ Маца́ (опрэсно́к) – безквасная тонкая лепешка из муки и воды.

горькой травы (Ханна специально для этого случая приберегла корешок хрена). Запивали еду водой. Потом Йосеф торжественно прочитал из Торы: «А ты возгласи и скажи пред Господом, Богом твоим: Арамейцем – скитальцем был отец мой и спустился в Египет, и проживал там с немногими людьми, и стал там народом великим, сильным и многочисленным. Но худо поступали с нами Египтяне и притесняли нас, и возлагали на нас работу тяжкую; и возопили мы к Господу, Богу отцов наших, и услышал Господь голос наш, и увидел бедствие наше и труды наши, и угнетение наше. И вывел нас Господь из Египта рукою сильною и мышцею простертою, и страхом великим, и знамениями, и чудесами.»

Очень скоро закончилась та праздничная трапеза. Трапеза закончилась, но ощущение праздника так и не пришло. Да и в городе никто не пел веселых песен в ту ночь, никто не танцевал в хороводах. Традиция в умирающем городе еще жила, но праздника уже не было.

В течение всей зимы Йосеф никак не мог решиться, – нет, не бежать: он не был трусом и если бы пошел, то, думаю, смог бы выбраться из города. Он не мог решиться предать Иерусалим, именно так он воспринимал бегство из родного города. Сколько Олдама ни увещевала, что ему были сказаны слова от Всевышнего, сколько ни просила за себя и за мать, Йосеф упрямо молчал. Поначалу и мать пыталась уговаривать сына. Когда же заболела, все больше молчала и лишь вопросительно ждала: когда он ответит: да или нет?

И вот, наконец, Йосеф решил: «Мы остаемся, и лучше умрем вместе со Святым городом, чем предадим его бегством,» – объявил он во время пасхальной вечери. Услышав решение, Ханна заплакала: «Сын мой, Йосеф-Покойник, умерший при жизни!». Олдама же приняла слова

мужа удивительно спокойно: «Да будет рабе господина моего по воле господина её.»

Потом мать тяжело встала, принесла еще одну миску, налила в нее соленую воду и поставила на стол рядом с первой, которую евреи ставят на пасхальный стол, как символ слез древнееврейских женщин, у которых по приказу фараона отнимали первенцев.

Слова приветствия, в этот раз впервые сказанные в завершение пасхальной вечери во многих домах Иудеев: «И в будущем году – в Иерусалиме!» – в ответ вызвали лишь скорбное молчание. Все понимали, что будущего года у них уже не будет.

Не будет! И как жить с расплющившим душу камнем такого знания? Забыться в вине? Так вина нет, – есть только смердящая страхом и смертью действительность.

Кавалерийский отряд Курди-Ашшура квартировался в семидесяти километрах севернее Иерусалима, в городе Сихеме. Вместе с ними зимовала и вдова Геула со своими мальчишками. Она по-прежнему днем помогала на обозной кухне, а по вечерам стирала солдатскую одежду. Работы было много, и по ночам часто ломило руки, покрасневшие и распухшие от холодной воды и щелока. Но сильный молодой организм справлялся легко с любой немощью. Дети тоже, хвала Всевышнему, были здоровы. И, самое главное, Геула теперь не боялась, что они помрут с голоду.

Хозяева дома, принявшие на постой вдову с детьми, сначала с осуждением восприняли то, что она работает на врагов, убивших ее мужа. Но видя, что она трудится исключительно, чтобы не быть никому в обузу и чтобы дети были сыты и одеты, смирились с ее работой: ведь, в конце концов, и праотец Иосиф со всяким усердием трудился на фараона Египетского, и царь Давид служил царю Гефскому, когда бежал к нему от Саула.

Дети же хозяев и вдовы сошлись и подружились очень быстро. И хотя хозяйские были старше – не обижали малышей вдовы, наоборот, защищали, как родных. Да и было интересно с ними дружить, так как пока жили в обозе с Вавилонскими солдатами, малыши немного выучили аккадский язык. И второе, пожалуй, самое привлекательное для вездесущей ребятни: сыновей вдовы знали в отряде и не прогоняли, когда те вместе с друзьями просились посмотреть лошадей и, особенно, выездку боевых колесниц. Столько новых, доселе невиданных впечатлений!

Теплая, по сравнению с голодным и холодным Иерусалимом, зима быстро улетучивалась вместе с тучами, плывущими на запад. Одни сезонные сельскохозяйственные работы сменялись другими. В месяце Адаре (марте) многие женщины и старшие дети вышли убирать лен. Рано утром, по росе, они рвали его руками с корнем, затем, набрав пучки, связывали снопы для сушки. Когда стебли высыхали, их свозили во дворы и, разложив, околачивали лен колотушками. На время эта работа становилась для ребятни главным развлечением. Колотушки в их руках «превращались» в мечи и палицы, которыми они героически срубали голову Голиафу, крушили неисчислимые полчища Халдеев, сбивали на лету или, прокравшись в стан врага, ломали пучки стрел кочевников, стрелявших в защитников Иерусалима, – беспредельна детская фантазия, способная превратить даже тяжелую однообразную работу в увлекательную игру.

С приходом весны кавалеристы получили команду возвращаться к Иерусалиму, где, как только земля немного просохла после зимних дождей, возобновили свою захватническую работу рекруты инженерных подразделений. За неделю ими была построена новая осадная башня, после

чего уже никто не мог препятствовать отсыпке насыпи для подведения таранов.

Захваченных Иерусалимских пленников давно, еще в начале зимы, отправили в Вавилон. Лишь несколько человек из пленных было задействовано этой зимой в обозе; в основном специалистов: кузнецов и плотников. Идя в поход, Вавилонские кавалеристы забрали их с собой.

Оставалась Геула со своими малышами: в походе она была не нужна, продать подвернувшемуся купцу было недосуг (получен приказ выступать), да и жалко. И командир, и воины за зиму уже полюбили ее за добрый нрав и умелую работу. Видя, как она готовит пищу, как моет и скребет походные котлы, как грациозно ходит за водой, как стирает, – глядя на мальчишек, весело галдящих возле нее, суровые сердца воинов оттаивали: всплывали в памяти, оставленные где-то там далеко их родные дома, их жены и дети.

Курди-Ашшур во всем боевом снаряжении, сидя на боевом коне, подозвал пленницу к себе. Геула спешно подбежала и приложилась лбом к ноге всадника; сердечко ее трепетало, как у цыпленка: Боже, Всемилостивейший не оставь нас, как Ты и ранее хранил нас!

«Я дарую тебе свободу. Прощай!» – сказал Курди-Ашшур совсем обыденным тоном. Ни возгласов типа: «Я верю, что милость вашего Бога не оставит тебя, как она хранила до сего дня!», ни: «Радуйся благодатная!» – ничего этого не было, только: «Я дарую тебе свободу.» Но эти слова, многократным эхом отразившись в ее сознании, зазвучали как гром; оглушенная женщина так и стояла, держась за ногу своего освободителя. И лишь когда он тронул своего коня с места, тихо промолвила: «Да будет рабе господина моего по воле господина её.»

Геула осталась жить в Сихеме, в доме у добрых людей, приютивших их зимой. Впереди ее ждала новая жизнь, – какой она будет?

Осада Иерусалима продолжалась – вдовствующего, сиротствующего Иерусалима.

Никакой надежды

Йосеф, словно кукла-марионетка, безвольно болтая руками и повесив голову, скрябал по пыльной дороге с работы домой. На повороте дымились развалины дома какого-то знатного человека. Стена двора была разбита, в доме колоннада завалилась в кучу, словно кегли, сбитые метким шаром. И на вершине этой свалки, среди кострища из обломков кедровой обшивки и домашнего хлама, дымился истукан Шамаша: ярко раскрашенная в красные и желтые цвета деревянная скульптура мужчины с длинной бородой, в высокой остроконечной шапке. Он держал в руке «пламенеющий меч» и ногой попирал стилизованное изображение огня. И меч, и руки, и голова свалившегося с крыши идола уже обгорели и превратились в черные головешки.

«Достойная кончина бога света и огня,» – беззлобно, мимоходом заметил попутчик, тоже возвращавшийся с работы. Йосеф в ответ лишь грустно улыбнулся.

После Пасхи родные все меньше и меньше общались между собой. Нет, не гнев и не обида были тому причиной, а бессилие: каждый гнулся под своей ношей боли и тяжелых мыслей и не хотел переваливать даже малую часть её на других. Все держались из последних сил.

Ханна уже почти не вставала: надорвалась она, – духовно надорвалась после того, как сын избрал непослушание Богу ради своего «Адамовского» понимания добра и зла. Нет, мать-старушка и раньше не мечтала о бегстве из Города Погибели: похоже, думала она, ей так и суждено умереть здесь. Ханна мечтала об еще одной ночи перед Всевышним, видящим её, какую пережила, когда убегала Геула. После того, как заболела, своим умом она уже согласилась и с тем, что сын ее тоже останется – останется уже ради нее, но сердце горело словом Божиим, сердце горело той счастливой ночью на коленях в присутствии Всевышнего.

Невозможно жить по вере, не доверившись безоглядно слову Божьему, не бросившись по-детски в объятия Его благодати. Опираясь на человеческие рассуждения, жить по вере ни один из вас не сможет, – даже и не пробуйте: миллиарды уже пробовали до вас – ни у кого не вышло.

Весной по городу поползли слухи, что, как было в прошлом году, когда Вавилонская армия внезапно сняла осаду и ушла от Иерусалима, так будет и теперь: через месяц-другой Господь снова чудесным образом избавит их от Халдеев. При этом самые убежденные даже находили пророческое подтверждение своим словам. Они вспоминали, что когда-то некий пророк Анания из Гаваона предвещал, что через два года Бог сокрушит ярмо Вавилонское и царь Навуходоносор вернет назад сосуды дома Господня.

И люди верили. И даже князья и священники верили, хотя отлично знали, что Анания говорил тогда, десять лет назад, о царе Иехонии, что тот вернется из Вавилонского плена. И видели, что ни через два года, ни через десять лет пророчество не сбылось. Знали, что пророчество ложное, и все равно верили, и все равно шептались при встрече про «два года». Последняя надежда – она, как соломинка для утопающего: не ищите в ней ни логики, ни даже смысла.

Седекия – царь Иудейский – тоже поддался обольщению ложной надежды, и, чтобы..., нет, не удостовериться в истинности давнишнего пророчества Анании, а на всякий случай: чем чёрт не шутит (по-еврейски: некошный пошутит, чего не нашутит).

Царь тайно призвал Иеремию пророка к себе при входе в дом Господень и сказал: «Спрошу я у тебя нечто, не утаи от меня ни слова».

– Ведь ты убьешь меня, если я скажу тебе, и ведь не послушаешь ты меня, если я дам тебе совет! – ответил Иеремия. Царь поклялся, что не причинит ему зла.

И сказал пророк Божий: «Так сказал Господь Бог Саваоф, Бог Израилев: если ты выйдешь к сановникам царя Вавилонского, то жива будет душа твоя, и не будет город этот сожжен огнем, и будешь жить ты и дом твой. А если не выйдешь ты к сановникам царя Вавилонского, то предан будет город этот в руки Халдеям, и сожгут они его огнем, и ты не спасешься от рук их. Если же ты не захочешь выйти, то вот что показал мне Господь? Вот, все жены, что остались в доме царя Иудейского, выведены будут к сановникам царя Вавилонского; и скажут они: "Подстрекали тебя и одолели тебя приятели твои, а когда ноги твои увязли в грязи, они покинули тебя". Всех жен твоих и сыновей выведут к Халдеям, и ты не спасешься от рук их, ибо схвачен будешь рукою царя Вавилонского, и из-за тебя город этот будет сожжен огнем.»

В ответ царь предупредил Иеремию: «Пусть никто не узнает об этих словах твоих, дабы не умереть тебе». И оставался Иеремия во дворе стражи до тех пор, пока не был взят Иерусалим.

Йосеф тоже с жадностью впитывал слухи про два года, отмеренных Вавилону. Он считал и пересчитывал месяцы и дни от первой осады до поворота Навуходоносора против Египтян, затем месяцы от возвращения и начала второй

осады Иерусалима до текущего дня. И по его подсчетам получалось, что ждать уже не больше двух месяцев. Всего два месяца!

Йосеф, суется, размахивая руками и громко доказывая, все говорил и говорил жене и матери о своей новой спасительной версии. Те не спорили, но их мудрое молчание словно окунало его в ледяную воду.

Голод усугублялся, ужесточался. Олдама безуспешно пыталась хоть как-то сытнее сделать тот мизерный объем ячменя, что им удавалось заработать за день на строительстве оборонительных сооружений. Зёрна они уже не мололи, а разбивали в ступке и смешивали...

Олдама, как и другие жители Иерусалима, смешивала зерна со старой половиой.

Не стало половы, жители Иерусалима смешивали зерна с мелко нарезанными корнями, цветами и листьями одуванчика. Когда съели этот сорняк (некогда сорняк, а теперь ценный пищевой продукт, уважительно называемый: «еврейская шапочка»), рвали чертополох и тоже толкли его листья и молодые побеги и смешивали с зернами. Из смесей варили супы. Насытить такие «супы», конечно, не могли, но голод на малое время утоляли. Объем траву, жители Иерусалима толкли кору деревьев и из этой «толченки», добавив перетертых зерен, у кого сколько было, варили варево, которое даже условно нельзя было назвать супчиком – пúтря⁷ какая-то, бурда-мурда. Но ели. Не было сил варить, ели сырым.

Мор в городе!

Мор в городе! И кто спасет несчастный Иерусалим, если Господь Бог против него?

⁷ Путря – пойло из муки.

Иерусалим потонул в жаре, даже ночи не приносили жданной прохлады.

В те дни Ханна совсем слегла и уже почти ничего не ела. Нет, не специально, чтобы детям больше досталось (они ни за что не приняли бы такую жертву), а из-за болезни. Сначала у нее пропал аппетит, потом исчезло ощущение голода, и чтобы поесть, ей уже приходилось усилием воли принуждать себя это делать, заставляя себя силой. А сил становилось все меньше и меньше.

Был конец месяца Ияра (мая) – месяца жатвы – когда умерла Ханна.

Ханна умерла.

Йосеф и Олдама еще страдали.

После похорон матери в доме уже не было зерна. Обессиленные, они почти не вставали и все более и более впадали в оцепенелое, равнодушное состояние прострации.

Ах, эти «два года»! Эх, эти «два года»! Даже если бы было так на самом деле, то кто доживет? Но, что самое горькое, Йосеф теперь это понимал и смиренно принял, рассказы про «два года» были всего лишь рассказами, сказкой, надувательством, бреднями для тех, про кого говорят: «Народ, вы шó, совсем?».

Надежды не стало.

Никакой надежды у люда Иерусалимского уже не осталось.

Олдама

Надеясь купить хоть какую еду, Олдама вышла на базарную площадь у Ворот Долины. Раньше там был далеко не главный и не самый большой рынок в Иерусалиме, но был настоящий Восточный базар.

Был!

Сейчас распласталась пыльным одеялом захлавленная, почти безлюдная площадь. С одной стороны возвышались глиняные кучи – всё, что осталось от некогда красовавшихся каменных домов. В глубине полукругом охватила башни городских ворот новая стена, подпираемая баррикадой: ее построили уже во время осады.

Был торговый день, но рыночная площадь молчала. Восточный базар молчал...

Даже глухонемые не молчат, они мычат, смеются, стонут, гnevаются, наконец.

...То, что было некогда Восточным базаром, погрузилось в кому.

С одного края два человека сидели, как наседки на яйцах, на своем драгоценном товаре. Они продавали куски голубиногo помета. Да-да, на базаре продавали голубиньй помет в пищу людям. И цена его в умирающем от голода городе доходила до пяти сиклей⁸ серебра за четверть каба. Напротив «наседок» несколько личностей явно бандитского вида предлагали ослиную голову за восемьдесят сиклей серебра. Хотя я очень сомневаюсь, что покажи какой покупатель такую большую сумму, он благополучно донесет до дома не то, что ослиную, но и свою голову.

Олдама нерешительно приблизилась к одному из продавцов пометом, в руке потела Финикийская серебряная монета⁹ – та самая монета, которую Йосеф подарил ей на свадьбе, как залог своей любви. Последняя ценная вещь, которая у них осталась. Но священник, обойдя ее, стал шепотом торговаться с продавцом и вскоре купил четвертушку каба за свою священническую одежду из белого тонкого льна. Он уже выходил на прилегающую улочку,

⁸ Сикль серебра равнялся примерно 15 граммам.

⁹ Финикийская серебряная монета – округлая плоская отливка весом 1 сикль. В то время на монетах еще не было чеканки, она появилась на рубеже V-IV вв. до н.э., при Дарии I (дарик).

прижимая к груди грязный пакет с пометом, как из-за дома выскочили четыре подростка лет двенадцати и сбоку, с вывертом ударив сучковатой палкой по лицу, подхватили покупку и тут же исчезли.

В последние месяцы, помимо обстрелов и голода, Иерусалим постигла еще одна беда: он безмерно страдал от бандитов. Взрослые банды действовали в основном по ночам и грабили дома знатных горожан. Грабители, как правило, убивали своих жертв, убивали безжалостно и цинично. Подразделения царской охраны патрулировали эти кварталы и довольно успешно боролись с бандитами, поймав которых тут же беспощадно карали на месте.

Но истинной напастью города стали банды беспризорных подростков. Они днем и ночью везде шныряли и воровали всё, что могли украсть. Внаглую отбирали всё, что могли отобрать. Если это было хоть чуточку съедобным, разделив, тут же пожирали без всякой предварительной обработки. Зачастую, забравшись в дом к истощенным, они, как крысы, ползали по телам и выковыривали изо рта, то последнее, что те спешили съесть, увидев грабителей. Никакие мольбы, никакие угрозы о каре Господней не действовали на них, — только сила. Только силу они уважали, больше того — боготворили ее.

Всеобщее ожесточение сердец, всеобщее одичание, всеобщее озверение. Если до определенной меры испытания сплачивают людей, пробуждают в них лучшее, то, переступив некую грань страданий, люди немеют сердцами: их уже не трогает вид близкой смерти, не волнует страдание ближнего (сам так же страдаю). Но горе тому человеку, который во время испытаний в страдании своем переступит черту жестокости. В мирное время еще есть время и возможность вернуться назад, к человеческому образу. В тяжкую же, военную пору ни времени, ни возможности уже

нет. Преступивший черту жестокости стремительно падает от зла к еще большему злу, от убийства к еще более изуверскому убийству – помешательство от жестокости: кровь пьянит.

Иерусалим пребывал уже во второй и даже в третьей стадии страданий.

И жара!

Воистину, скорее бы конец. Хоть какой, но конец!

Пройдут годы, и новые поколения уже не будут знать про всё позорящее облик человеческий. Защитники Иерусалима станут былинными героями, – все как один, истинными героями без страха и упрека. И это правильно: мы имеем право гордиться своими предками и должны ими гордиться. Но тем, кто сейчас у руля жизни, нужно знать и помнить о страшном разрушении тел, и не только тел, но и душ человеческих во время войны или другой массовой беды. Знать, чтобы не допустить, а если уж пришла беда, то встать в духовный пролом: ибо ничто так не помогает выстоять, как духовная чистота вождей, и ничто так не разлагает, не разрушает в тяжкую пору, как их духовная низость, подленькие, шкурные поступки.

Олдаму пошатнуло, как будто в одно мгновение перед ней пролетело и увиденное преступление, и вся глубина понимания того, что сейчас происходит в ее городе. Сначала за трудами о хлебе насущном, потом, в период безвольной прострации ее разум был зашоренным, глаза видели, но ничего не замечали, а тут прозрение! Оглушенная, ослепленная откровением пережитого и познанного ужаса, ее психика не выдержала. Это было как возвращение чувствительности раненому телу – чувствительности, а с ней вместе и боли... вплоть до болевого шока.

Она схватилась руками за голову и осела на землю. Сами по себе текли слезы, и болит – го-ло-ва бо-лит! Боль перешла в охватившее обручем онемение головы, потом всего лица, и... черная пустота.

Из черноты Олдама вынырнула, именно как бы появилась из ниоткуда посреди той же самой площади, но это была другая площадь. Вовсю кипела жизнь Восточного базара. Овощные ряды. – Подходите, попробуйте сочные дыни! Ай, мед, а не дыни! Пробуйте, покупайте. А здесь пирамида гранатовых яблок: посмотрите, как напилалась солнцем, покоричневела их корочка. Продавец тут же выдавливает красный сладкий сок: попробуй, нектар, истинный нектар мои гранаты! Инжир, виноград, финики – от изобилия аж дух захватывает. Пройди, Олдама, порадуй свою душу ароматом оливкового масла, ароматом миндаля. Стройными рядами стоят пузатые кувшины. О, пряности! Всеми красками и оттенками Востока играют пряности из Индии, Аравии, Эфиопии. Олдама, подойди к лавкам с улицы хлебопексов! Тут и листы пресной мацы, и лепешки с тмином, и пирожки, и сладкие плетенки и булочки... – Неужели, все это правда? – Правда, ибо я наслаждаюсь этим зрелищем.

Олдама с открытыми, но видящими другой, свой мир, глазами, ловко маневрируя между «наседками» с голубиным пометом, бегала по пустой замусоренной площади и ликовала, и смеялась, и пела веселые песни.

Потом она замерла и, как бы прислушиваясь, начала пророчествовать собирающейся уже толпе, подошедшей поглазеть на сумасшедшую: «Так сказал Господь, Бог Израилев, о домах этого города и о домах царей Иудейских: они будут разрушены секирами Халдеев, которые пришли воевать и наполнить дома трупами тех людей, которых

поразил Я в гневе Своем и в ярости Своей. Людей города сего, от которых скрыл Я лицо Свое.

Но придет время, и Я дам Иерусалиму исцеление и избавление, и излечу Я жителей его, и открою им обилие мира и истины. И возвращу Я пленных Иудеев и пленных Израильтян, и устрою Я их, как было прежде. И очищу Я их от всего греха их, которым они согрешили предо Мною, и прощу Я все грехи их, которыми грешили они предо Мною и из-за которых восстали они против Меня.

В городах Иудеи и на опустевших улицах Иерусалима еще будет слышен голос радости и голос веселья: ликование жениха и ликование невесты, голос говорящих: "Славьте Господа Саваофа, ибо благ Господь, ибо вечна милость Его", когда будут они приносить жертву благодарности в доме Господнем.»

Произнеся свое пророчество, женщина смутилась и, глупо хихикнув, убежала к городской стене, где забилась комочком в угол.

Толпа рассосалась, и только мальчишки, найдя новое развлечение, скакали, окружив юродивую. Она пугалась от их скачков и криков, а им было смешно. Потом стали бросать пылью, женщина щурилась, как загнанная в угол кошка, и сильнее вжималась в щель. Наконец, заметив в кулачке монету, они отобрали её и убежали.

Только на другой день Йосеф смог найти свою жену. Взял ее за руку, и Олдама покорно посеменила за ним. Дома он отмыл ее и уложил на ложе из старого халата, постеленного на высоком деревянном полу, вернее, на настиле шириной метра два, перекрывавшем заднюю часть комнаты. Под полом хранился плотницкий инструмент, глиняные горшки да кувшин с водой.

В том году необычайно рано, на месяц раньше срока стали плодоносить смоковницы. И у них во дворе полусломанное,

обглоданное дерево даровало четыре прекрасных почти спелых плода. На другой день еще, потом еще. Каждое утро Йосеф осматривал невысокое деревце и, к своему удивлению, всегда что-то находил, хотя вчера, кажется, собрал все, что было пригодным в пищу. Забота о жене и это чудо-дерево вывели его из безвольного оцепенения, дали волю к жизни, а с ней и силы.

Олдама «вернулась», но только глазами своими, только ушами своими. Душа же пребывала там, в мире грез. Она узнавала мужа и радовалась, видя его, но стоило взгляду уйти в сторону, тут же забывала о его существовании. Ни своего дома, ни покойную Ханну, ни Геулу, никого из соседок она не помнила. Имени своего тоже не помнила, но радостно отзывалась, услышав мужа, позвавшего ее: «Олдама!».

Иногда она уходила из дома и бродила по улицам Иерусалима. Юродивая утешала плачущих, изредка пророчествовала вопрошавшим ее. Пророчества сбывались, и люди не обижали женщину, почитая ее за благословение Всевышнего.

Йосеф находил свою жену и, взяв за руку, уводил домой. Но в один день, когда он хотел, как обычно забрать ее, она выдернула руку и, упершись, ответила, что ей нужно стоять здесь. Ни уговоры, ни сила не действовали, юродивая вырывалась и бежала на свой перекресток.

Неожиданно из ворот царского дворца выступила группа всадников в дорогом боевом облачении. Олдама тенью бросилась к одному из них (стражники даже мечи не успели выхватить) и, ухватившись за ногу, стала громко пророчествовать скороговоркой: «Именем Всевышнего! За то, что ты закрыл глаза на страдания и смерть народа своего, ты увидишь страдания и смерть сыновей своих и будешь слепым до скончания дней своих!».

Охранник хотел убить дерзкую женщину, но царь, – а это был царь Седекия – вспомнив слова Господни от пророка Иеремии: «Из-за тебя город этот будет сожжен огнем!» – мертвенно побледнел, выдернул ногу, и крикнув: «Она сумасшедшая, оставь ее!» – рванул вперед.

В тот день царь Иудейский осмотрел Навозные Ворота и велел сделать в завале проход для выхода конников наружу. Но сделать это так, чтобы жители Иерусалима ничего не узнали.

Город умер

Неистово жарил месяц Сиван (июнь). Иудеи прекратили свои ночные вылазки, даже лучники вяло, изредка постреливали в копошащихся у таранов или с боевыми кликами и гиканьем скакавших вдоль городских стен Халдеев. Запершись, завалив свои ворота, Могучий Город Иерусалим взирал, как враги в поте лица пробивают его крепкую стену. Неодолимо стоял Иерусалим, несмотря на то, что жители его, утратив надежду, уже проиграли эту войну – в сердцах своих проиграли.

Иудеи проиграли, но Халдеи еще не выиграли: Могучий Иерусалим своими стенами встал на их пути к победе.

Мерно били два тарана, от их мощных ударов гул стоял над городом. То тут, то там горели развалины домов. Пристрелявшись на местности, Вавилонские инженеры изменили тактику: теперь они били тяжелыми снарядами (округлыми камнями) из нескольких катапульт по одной намеченной цели, как правило, близко стоящим большим каменным домам в определенном квартале города, пока существенно не повреждали их, а затем забрасывали сотнями, тысячами горшков с горящей зажигательной

смесью. Обломки деревянной обшивки, полов, перекрытий мгновенно превращались в мощнейшие костры, быстро переходящие в огромный единый пожар целого квартала. Воздух, извне втягивающийся в этот пожар, закручивался в огромный вихрь огня: в пламени горело всё, даже металл плавился. Через несколько часов от квартала не оставалось ничего, только обгорелая груда обломков. Тушить такие вихри огня под обстрелом катапульта (а они теперь вели обстрел россыпью камней для поражения людей) не было никакой возможности. Оставалось только плакать от бессилия и отчаяния.

Особенно эффективной такая тактика показала себя на горе Сионе, в Верхнем городе, который был наиболее густо заселен. Большая же прочность строений храма и царского дворца пока что сохраняла их от разрушения в Халдейском адском пламени – пока сохраняла.

Рисунок 4. Древние катапульты (подобные метательные орудия использовали и Ассирийские завоеватели, и Вавилонские, и Римские при осаде городов).

Осаждавшие особо не торопились. Они знали о своем мощном союзнике – голоде, который в месяце Сиване «пожирал» уже не только мирных жителей, но и воинов Иудейских. Поэтому Халдеи спокойно, деловито били пролом в северной стене, которая хотя и была высокой, но еще не была соединена в единый монолит с внутренней стеной, храмовой. А наскоро возведенную баррикаду, пробив кладку, недолго было и растащить.

Война, война! Где твои сомкнутые ряды копьеносцев, укрывшись за щитами которых лучники и пращники сеют смерть в рядах противника, когда он еще только выходит на поле брани? Где же твои дерзкие фланговые атаки и охваты кавалерии, когда мастер рубака, прикрываемый сзади парой верных друзей, как нож в масло, врежется в ряды противника и сечет со свистом направо и налево, и только части тел человеческих летят и заливают кровью, нет, не его, он уже впереди, а его друзей помощников, яростно отбивающихся от мечей и копий тех, кто растеряннопоздало пытается удержать оборону? Но уже поздно, в образовавшийся прорыв врываются новые рубаки, круша и смешивая строй...

Нет, в Иерусалиме была другая война. Война строительного и инженерного мастерства: одни строили так, чтобы невозможно было сломать, другие старались сокрушить несокрушимые громады, разломать неломаемое. Долгая, нудная и невыносимо тяжелая война.

Луна завершила свой цикл, наступил месяц Таммуз (июль). Вскоре под ударами большой стенобитной машины, которую сами евреи окрестили «Победителем», стена подалась. Камни, утратив монолитность, расселись и стали входить вовнутрь, теперь уже сами, круша все позади себя.

Расшатав и расширив пролом, вавилонские воины напряженно ожидали приказа к штурму города.

Царь Седекия, как мог, организовал отпор. На внутренней, храмовой стене он поставил лучников и пращников. Тяжеловооруженных копьеносцев из царской охраны во главе с их командирами он выстроил в боевые порядки справа и слева от пролома. Ополченцы поднимали на стену горшки со смолой, камни – всё, что можно будет потом бросать в Халдеев. Вместе с ополченцами трудился и плотник Йосеф. Он делал поворотную машину, чтобы сбрасывать камни весом до нескольких сот килограмм на врагов, когда они подступят к стене – благо, снарядов, наметанных Вавилонскими катапультами, было достаточно.

В тяжелых трудах, в напряженном ожидании закончился день восьмого Таммуза. Штурм не последовало. Прошла бессонная ночь. Штурм не последовало. Девятого числа Вавилонская армия постороилась в боевые порядки, затрубили трубы, и... на подготовившихся к отражению атаки Иудеев обрушился ураган камней из десятков катапульти. Камни в мгновение смели тех, кто был наверху, на стенах, убивали и калечили тысячи столпившихся на небольшом участке людей. Но еще больше погибло, когда еврейские солдаты бросились обезумевшей толпой по узкому проходу между стен прочь от пролома. Люди бежали по телам упавших, спотыкались и сами падали, и уже их растаптывали напивавшие сзади. А сверху били и били камни...

Ай да Нергал-шар-уцур! Великий полководец! Еще не начав боя, он уже выиграл его. По заслугам в Вавилоне его будут торжественно величать: Покоритель Иерусалима.

Ночью девятого Таммуза (18 июля 586 года до н.э.),¹⁰ на одиннадцатом году царствования Седекии, в Иерусалим ворвались Халдеи. Отряд за отрядом воины, каждый с мечом, палицей, секирой или коротким копьём в одной руке и горящим факелом в другой, устремились по улицам города, неистово убивая всё на пути и сжигая дома вместе с запрятавшимися там людьми. Лишь с наступлением утра немного спал угар убийства. Халдеи занялись грабежом: они методично обыскивали уцелевшие дома и развалины, обшаривали трупы в поисках золота и серебра. Но даже привычные ко всему кочевники зачастую не выдерживали и выскакивали прочь, когда вторгшись в дом за добычей, находили там целые семейства умерших от голода.

Умершие от голода... – Халдеи даже представить не могли, насколько страшен в реальности их «союзник» по осаде – голодомор.

С наступлением дня в войска поступил приказ всех оставшихся в живых жителей Иерусалима согнать на внешний двор храмовой площади.

В ту страшную ночь Олдама сладко спала. Спасаясь от духоты, она вышла из дома и легла под смоковницей. Под мирный шелест листьев, окруженная ароматом цветов и плодов, она свернулась калачиком и крепко-крепко уснула. И не слышала, как ночью входили в дом захватчики, как подняв доски, искали под полом поживу и, выругавшись, ушли восвояси, второпях бросив открытой входную дверь и даже забыв поджечь дом. Другие, видя двери настежь, понимали, что здесь уже все обшарено.

¹⁰ Точная дата взятия Иерусалима неизвестна, но большинство историков считает, что город был взят в июле 586 года до н.э. Автор же, чтобы придать больше правдоподобия повествованию, волен указать дату по своему усмотрению.

Утром, проснувшись и увидев над собой смокву, Олдама засмеялась, съела ее и стала ходить по двору, по дому, как ни в чем не бывало. Смутно она чего-то или кого-то ждала, но так и не вспомнила Йосефа, мужа своего.

Когда, ища пленников, во двор вошел халдей, она весело засмеялась, подбежала и поклонилась ему. Видя, что женщина сумасшедшая, воин, было, задумался: тащить ли такую в храм? Но раз приказ был: «всех», сгреб ее за шиворот и поволок.

А Седекия, царь Иудейский! Где он был в ту страшную ночь? Почему его нигде не видно?

Как только Халдеи с севера ворвались в город, он вместе с сыновьями своими, князьями своими и телохранителями сел на коней и удрал с противоположной стороны через заранее подготовленный пролом в Навозных Воротах. Легко сбив малочисленный Вавилонский пост, они всю ночь скакали в сторону Иерихона. Только на следующий день их настигли кочевники Алхамеи – опытные следопыты и неутомимые всадники.

Увидев, что преследующие уже близко, царские охранники, оставив своего царя, бросились врассыпную: спасайся, кто как может!

И взяли Седекию, и скрутили его, и привели к Навуходоносору, царю Вавилонскому в город Ривлу, в земле Емаф, где он произнес суд над ним. И заколол царь Вавилонский сыновей Седекии перед его глазами, и всех вельмож заколол перед его глазами, и первосвященника Садока, сына Сареи, заколол перед его глазами. Потом царь Вавилонский повелел выколоть Седекии глаза и заковать в оковы, чтобы отвести его в Вавилон.

Так сбылись все слова Божии о царе Иудейском.

Рисунок 5. Гюстав Доре. Убиение сыновей Седекии перед их отцом.

Иерусалимских пленников и перебежчиков, которые перешли к Халдеям во время осады, Навузардан, начальник телохранителей царя Навуходоносора, отправил в Вавилон.

В числе пленников навсегда покидавших родину был и Эвэд-Мэлэх. Раненый, он только на другой день очнулся и вылез из под груды тел солдат, раздавленных во время

бегства от каменного урагана Халдейских катапульт. На этапе они держались вместе с пророком Иеремией. Но вскоре пришел приказ от Навузардана: Иеремию взять из среды пленников и со всяческим вниманием и охраной вернуть назад, в Иерусалим.

Посадив пророка Иеремию на колесницу Курди-Ашшур с тремя всадниками (его отряд был в числе конвоя), заботливо повез его назад.

Во время штурма Иерусалима он со своим кавалерийским отрядом стоял на горе Мориа, напротив Нижнего города. Видя, как волнами проплывали с севера на юг по городу огни их армии, они, молодые воины, горячились и сожалели, что не пришлось участвовать в сражении, ставящем победную точку в долгой войне.

Рисунок 6. Джеймс Тиссо. Бегство пленников (евреев).

В дороге, узнав, что Иеремия и есть тот самый пророк, о котором рассказывала Геула, Курди-Ашшур много и с интересом расспрашивал его (спрашивать у гостя, пользующегося благосклонностью самого царя, не унижало его офицерского достоинства, это не то, что какая-то пленница). Офицер спрашивал о Боге Иудеев, о том, почему Он прогневался на народ Свой за то, что они чтут иных богов, ведь их Вавилонские боги не только не гnevаются, а часто сами дружат друг с другом и даже находятся в родстве.

Отвечая на вопросы, пророк Божий как-то заметил: «Вот ты печалишься, что той ночью не убил ни одного врага. Пройдет время, и ты увидишь, что и на войне есть убийство и убийства, есть захват добычи и грабежи. Увидишь и еще возблаговаришь Господа за то, что Он сохранил душу твою в чистоте. Знай же, что сохранил Он её ради дочери Иерусалима и детей ее, которым ты явил милость.»

По прибытии в Иерусалим, Навузардан с уважением принял пророка Божьего и спросил его, где он пожелает жить. Иеремия избрал остаться в своей несчастной стране и плакал о нечестии народа, и молился Господу своему о немногих живущих в Иудее – опустелой, вымершей стране.

Некоторых бедняков-евреев, которые ничего не имели, Навузардан оставил на родине ухаживать за виноградниками и полями. Вместе с ними осталась и Олдама. Со временем разум ее просветлел, она вспомнила про мужа своего и про свекровь свою, но не могла вспомнить, почему их теперь нет, ибо период осады Иерусалима навсегда остался в ее памяти под покровом забвения. Если же кто заговаривал о бывшей войне, внимание ее уходило и рассеивалось.

Спустя месяц, по приказу царя Вавилонского, Навузардан начал планомерное разрушение и сожжение храма и царского дворца, и крепостных стен, и всего Иерусалима.

Вскоре от города – гордости Иудеев – остались лишь кучи сгоревшего мусора, глины и камней.

Город умер – нечестивый город Иерусалим умер.

Умер, чтобы возродиться вновь, но уже возродиться городом Спасителя, Мессии Израиля – святым городом Иерусалимом.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Погребняк Николай. Иерусалим: начало осады его Вавилоном.
2. Израильские ювелирные украшения, выполненные в технике пяти нитей (этой технологии уже более 2500 лет) [Электронный ресурс]/ – Свободный режим доступа: <http://www.vneefira.ru/?news=1803> .
3. Еврейские крестьянки за изготовлением хлеба (так хлеб пекли два с половиной тысячелетия назад, так и сто лет назад, так и сейчас пекут в деревнях): Иерусалим. Цветные фотографии Святой земли 120 летней давности [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: <http://gospodin-pg.blogspot.ru/search/label/%D0%98%D0%B5%D1%80%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BC> свободный.
4. Древняя катапульта [Электронный ресурс]/ – Свободный режим доступа: <http://картинки.cc/knights-of-honor-%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D1%8F%D1%8F-%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BF%D1%83%D0%BB%D1%8C/> .
5. Гюстав Доре. Убиение сыновей Седекии перед их отцом [Электронный ресурс]/ – Свободный режим доступа: <http://www.wikiart.org/ru/gustave-dore/slaughter-of-the-sons-of-zedekiah-before-their-father-1866> .
6. Джеймс Тиссо. Бегство пленников [Электронный ресурс]/ – Свободный режим доступа: http://www.abc-people.com/shop/haggai_prophet.htm .

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Канонические; Синодальный перевод. – М.: Российское Библейское общество, 1998. – 1244 с.
2. Библейская энциклопедия/ Российское Библейское Общество. – Оксфорд, Англия: Encyclopedia of the Bible, 1995. – 352 с.: ил.
3. Библейская энциклопедия Брокгауза: Меры длины, площади, объема и веса [Электронный ресурс]/ Энциклопедии & Словари (Коллекция энциклопедий и словарей). – 2009-2013. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_bible/Mery-Dliny-Ploschadi-Obema-I-Vesa-2632/ свободный.
4. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]/ Wikimedia Foundation, Inc. – Электронные текстовые данные. – Источник текста по лицензии Creative Commons Attribution-ShareAlike. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki> свободный.
5. Волкославский Р.Н. О Библейских пророках и судьбах истории/ Р.Н. Волкославский. – п. Заокский, Тульская обл.: «Источник жизни», 1997. – 288 с.: ил.
6. Иерусалим в веках. Поисковая система «История Еврейского народа»: Маламат А. Последние годы Иудейского царства [Электронный ресурс]/ А. Маламат; Поисковая система «История Еврейского народа». – Электронные текстовые данные. – Свободный режим доступа: <http://jhistory.nfurman.com/lessons8.htm> .
7. Иудейский праздник Песах: история и традиции [Электронный ресурс]/ ФГУП РАМИ «РИА Новости». – Электронные текстовые данные. – 2014. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20130325/928577182.html> свободный.

-
8. Нюстрем Э. Библейский словарь: Новое пересмотренное издание с иллюстрациями/ Мировая Христианская Миссия; перевод под ред. И.С. Свенсона. – Торонто, Канада. 1989. – 522 с.: ил.
 9. Путеводитель по Израилю: Источник Гихон [Электронный ресурс]/ – ООО «Другие города». – 2011. – Свободный режим доступа: <http://guide-israel.ru/attractions/46493-istochnik-gixon/> .
 10. Растения для жизни Travinushka.ru: Инжир [Электронный ресурс]/ сайт Travinushka.ru. – 2011. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.travinushka.ru/lekrastmenu/34-katlekrast/284-ingir.html> свободный.
 11. Рудиков Д. Город Давида – Ир Давид – Иерусалим [Электронный ресурс]/ Д. Рудиков; [Prichal.com](http://prichal.com) (Всё о туризме в Израиле). – 2009. – Режим доступа: <http://www.prichal.com/phpnuke/node/2440> свободный.
 12. Сказки народов мира: Еврейские народные сказки [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: <http://skazki-narodov.ru/evreyskie> свободный.
 13. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – Фрунзе: Мектеп, 1974. – 888 с.
 14. Тора: Пятикнижие и Гафтарот (Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино»)/ составил комментарии Й. Герц, перев. текста Торы П. Гиль, перев. комментариев З. Мешков, ред. И. Аблина. М.: «Мосты культуры», Иерусалим: «Гешарим», 2001. – 1456 с.
 15. Флавий Иосиф. Иудейская война: в 7 кн. Кн.2,3,4,5,6 [Электронный ресурс]/ пер. Я.Л. Чертка, 1900 г.; Библиотека «Въхи». – Свободный режим доступа: <http://www.vehi.net/istoriya/flavii/voina/index.html> .
 16. Флавий Иосиф. Иудейские древности: в 20 кн. Кн.10 [Электронный ресурс]/ пер. Г. Генкеля, 1900 г.;

Библиотека «Въхи». – Свободный режим доступа:
<http://www.vehi.net/istoriya/israil/flavii/drevnosti/10.html> .

17. Энциклопедия Кругосвет (Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия): раздел История и общество [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/IERUSALIM.html?page=0,0> свободный.

СМЕРЬ ИЕРУСАЛИМА

МИРНЫМ ЖИТЕЛЯМ, ПОГИБШИМ НА ВОЙНЕ, ПОСВЯЩАЕТСЯ.

СОБЫТИЯ ПРОИСХОДЯТ В ИЕРУСАЛИМЕ, ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ЕГО
АРМИЕЙ ВАВИЛОНСКОГО ЦАРЯ НАВУХОДОНОСОРА В 588-586 ГГ. ДО Н.Э.

ЖИЗНЬ, МЫСЛИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ГЕРОЕВ
ПОКАЗАНЫ НАСТОЛЬКО ЯВСТВЕННО,
ЧТО ЧИТАТЕЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО ЦЕЛИКОМ ПОГРУЖАЕТСЯ
В ТО ТЯЖКОЕ ВРЕМЯ.

КНИГА НЕ ТОЛЬКО
УВЛЕКАТЕЛЬНА ПО СВОЕМУ СЮЖЕТУ,
НО И ПОЛЕЗНА ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ ИСТОРИЮ ДРЕВНЕЙ ИУДЕИ
И НОВОВАВИЛОНСКОГО ЦАРСТВА (ХАЛДЕЕВ).

